

УДК 330.11 DOI: 10.14451/1.234.63

Классовый подход к настоящему денег и история денег

© 2024 Будович Юлия Ивановна

Профессор Департамента экономической теории, доктор экономических наук, доцент.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва.

E-mail: JBudovich@fa.ru

Ключевые слова: классовый подход, история денег, будущее денег, ортодоксальная история денег, неортодоксальная история денег.

В данной статье рассматриваются некоторые версии неортодоксальной истории денег. Вводится понятие классового подхода в исследовании современных денег, рассматривается степень его применения в работах по истории денег, написанных в духе ортодоксальной и неортодоксальной истории денег. В статье показывается, что чем более полно в версиях денежной истории проводится классовый подход к денежному настоящему, то тем в большей степени в них пересматривается ортодоксальная история денег, и тем в более отдаленном прошлом отыскивается прообраз будущего денег. Делается вывод, что непоследовательность классового подхода оборачивается его реальным применением в пользу класса капиталистов и тех или иных его подклассов.

Цель настоящей статьи – раскрыть содержание классового подхода к настоящему денег, показать, что чем более последовательно в историях денег проводится классовый подход к денежному настоящему, то тем в большей степени в них пересматривается ортодоксальная история денег (ОИД), и тем в более отдаленном прошлом отыскивается прообраз будущего денег, а также показать, что непоследовательность классового подхода к настоящему денег оборачивается его реальным применением в пользу класса капиталистов и тех или иных его подклассов.

Содержание классового подхода к истории (и будущему) денег раскрыто в статье К. Н. Лебедева «Классовый подход в экономическом исследовании и классовый подход к истории денег». Он состоит в показе того, как введе-

ние или совершенствование денежных форм приводит к обогащению или прекращению обогащения одних классов за счет других классов, прежде всего трудящихся, в представлении истории (и будущего) денег как цикла борьбы трудящихся за их исконные деньги (деньги-уведомления, учреждаемые сообществами товаропроизводителей) с капиталистами, в которой они (и их союзники из среды тех же капиталистов) вначале проигрывают, а затем выигрывают (с начала товарообменной трансформации платежной системы, относимого к началу кризиса 1929–1933 гг.), в том числе планов будущей борьбы, осуждению эксплуатации посредством денег (противодействия ее ликвидации) и одобрение ее ликвидации (противодействия эксплуатации), разоблачении попыток капиталистических ученых скрыть классовую борьбу вокруг денег

и оправдать капиталистическую эксплуатацию трудящихся посредством денег. На основе этого определения для целей данного исследования может быть сформулирован классовый подход к настоящему денег, исходя из того, что история делится на прошлое, настоящее и будущее, а также из того, что главными в классовом подходе являются первые 3 пункта. Отсюда, в общих чертах классовый подход к настоящему денег состоит в показе того, как современные формы денег обеспечивают обогащение или прекращение обогащения одних классов за счет других классов, прежде всего трудящихся, рассмотрении современных денег с точки зрения достигнутых трудящимися успехов в борьбе за свои деньги, осуждении современной денежной эксплуатации и одобрении ее ликвидации.

Под ОИД понимается история денег, общепринятая, или общепризнанная, среди экономистов, то есть денежная история, написанная в духе историй денег А. Смита и К. Маркса. Можно сказать, что в настоящее время в экономической теории отдается предпочтение ОИД, написанной в духе денежной истории А. Смита (смитианская версия), а в денежном обращении и кредите – К. Маркса (марксистская версия). Заметим, что критики ОИД зачастую рассматривают эти версии как разные истории денег. Как отмечает в статье (Ефимов, 2018), «университетские учебники по курсам «Деньги. Кредит. Банки» или «Монетарная экономика» по-прежнему навязывают ложные теории денег. Причем это касается как тех из них, которые продолжают советскую традицию, так и тех, которые более решительно следуют западным моделям таких учебников. Предпосылкой, от которой отталкиваются в своих рассуждениях авторы учебников по монетарной экономике, где излагается теория денег, кредита и банков, является происхождение денег из бартерного обмена» [5, с. 7]. Между смитианской и марксистской версиями ОИД действительно имеются определенные различия. Мы показали, что процесс появления товарных денег из неудобств бартера (случайной мены вещи на вещь) К. Маркс рассматривал как эволюцию форм стоимости (от простой до всеобщей),

вводя промежуточную стадию безденежного товарообмена, соответствующую развернутой форме стоимости [7, с. 159], что играло роль дополнительного обоснования Смитовой истории денег в ее сомнительной начальной части, осуществленного на основе диалектики, позиционировавшейся тогда в качестве «передового» метода научного исследования [7, с. 162]. Мы, характеризуя провалы Смитовой логики при выводе товарных денег из неудобств бартера, показали, что поиск цепочки промежуточных обменов при случайном товарообмене эффективнее, чем использование одного из товаров, поступающих в обмен, в качестве средства обращения, что все неудобства бартера отпадают, когда этот товарообмен повторяется [7, с. 156]. К. Маркс на этом фоне фактически предложил более адекватное объяснение появления товарных денег из неудобств бартера: сначала люди сделали случайную мену вещи на вещь, которая была представлена в межплеменном обмене, постоянной, что стало необходимостью после разделения племен на скотоводческие и земледельческие, так как производство скота осталось у первых, а промышленное производство – у последних (правда, исторические исследования показали, что скотоводческие племена также осуществляли промышленное производство, в том числе производство металлов, так что такого обмена в действительности не было [2, с. 177]). Когда же у земледельческих племен возникла нужда во внутриплеменном товарообмене, земледельцы, отдающие скотоводам за один и тот же скот разнообразные предметы своего промпроизводства, сразу же стали использовать скот в качестве внутреннего средства обращения. Таким образом, данную особенность марксистской версии можно считать лишь другим вариантом объяснения происхождения товарных денег из бартера. Кстати, другим отличием смитианской версии истории денег от марксистской версии, отмечавшимся нами, было как раз то, что согласно последней, в отличие от первой, бартер как исходная форма товарообмена в человеческом обществе был представлен не во внутриплеменном, а в меж-

племенном (межобщинном) обмене [7, с. 155, 162], и это отличие, в свете вышесказанного, становится еще более несущественным. Историческая последовательность денежных форм в обеих версиях одинакова: товарные деньги, металлы в слитках (в итоге – драгметаллы), монеты правителей (ряд полноценных денег), испорченные монеты правителей, бумажные деньги правителей, банковские деньги (банкноты и депозиты) с полным резервированием, далее, они же с частичным резервированием, наконец, они же, неразменные на золото (ряд символических денег). Последняя денежная форма вошла в денежный ряд уже после ухода из жизни ее основателей – при А. Смите и К. Марксе она тоже была, но считалась следствием денежных «злоупотреблений». Принципиальное отличие марксистской версии от смитианской могло проводиться только в советские времена и касаться вопроса о будущем денег. Как показано в статье Ю. И. Будович «История денег К. Маркса – измена классовому подходу», согласно самому К. Марксу, деньги (золото – настоящие деньги, и его различные заменители) возникли «естественным» путем из товара и исчезнут вместе с товаром, когда производство и распределение в обществе (при коммунизме) будут вестись на плановой основе. Однако после перехода нашей страны к рыночной экономике это положение было удалено из марксистской версии истории денег как устаревшее, и появившиеся в России взамен советских денег современные банковские деньги двухуровневой банковской системы стали рассматриваться в ней, как и в смитианской версии, как верх денежного совершенства, имея в виду, что дальнейшее развитие денег возможно только по пути улучшения этих денег, прежде всего технического. Рассматривать историю денег, написанные по А. Смиуту и по К. Марксу, как одну историю, позволяет и трактовка обеих историй как написанных в эволюционном духе – специалисты рассматривают как сторонников эволюционной теории и А. Смита, и К. Маркса (Дубянский, 2018) [4, с. 134]. Таким образом, смитианскую и марксистскую версии ОИД обосновано рассматривать как единую

историю денег, которая и образует ОИД.

За базу фактов для настоящего исследования взяты монографии, непосредственно посвященные истории денег, а именно монография отечественного ученого В. В. Пшеничникова «Эволюция форм и видов денег: от раковин каури до криптовалют» (2019), книга представителя австрийской школы экономической мысли М. Ротбарда «Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества» (2004), дополненная статьей Г. Хюльсмана, и книга английского экономиста Ф. Мартина «Неофициальная биография денег» (2015).

Рассмотрим на предмет представленности классового подхода к настоящему денег книгу В. В. Пшеничникова. В монографии, в которой уделено значительное внимание техническим основам современных электронных денег, выделена такая форма небанковских капиталистических электронных денег, как электронные деньги на базе сетей, предназначенные для расчетов и платежей в Интернет-магазинах и других компаниях, ведущих свой бизнес в Интернете, например Яндекс Деньги или WebMoney [10, с. 138]. Однако при этом не отмечается, к обогащению каких классов и за счет каких классов привело их введение. Не сообщается, что посредством подобных денег трудящихся заставляют как переплачивать за товары, так и кредитовать продавцов, и что, вопреки заверениям, эти деньги вовсе не бесплатны, так как коммерческая плата за пользование ими оплачивается трудящимися в составе вышеуказанных переплат за товары и обеспеченных трудящимися доходов от бесплатного пользования их деньгами, увеличивая эти переплаты и доходы. В работе также выделена такая форма современных электронных денег, как частные криптовалюты. При этом, однако, не отмечается, что их введение означает ликвидацию обогащения банков за счет товаропроизводителей (в виде банковских комиссий, части процентов по кредитам), связанную с вынужденным использованием последними в качестве разрешений на приобретение товаров банковских денег.

В монографии денежное настоящее не рассматривается с точки зрения успехов в борьбе за свои деньги, достигнутых трудящимися. Так, появление частных криптовалют не трактуется как шаг трудящихся по возврату себе исконного права создавать деньги, несмотря на то что сам В. В. Пшеничников отмечает:

«Появление криптовалют... открыло возможности участия в их эмиссии любых желающих заниматься этим частных лиц и компаний» [10, с. 135].

В работе не получают отражения такие формы денег трудящихся, возникшие в начале 1980-х гг., как деньги типа «банк времени» и LETS [8, с. 23] (далее – деньги-время и деньги LETS). Они не получают отражения, несмотря на то, что уже давно имеют электронную форму, а инфраструктура последних, подобно инфраструктуре упоминаемых в работе денег на базе сетей, фактически заимствуется из банковской системы [6].

В монографии не отмечаются факты неявного, или эволюционного, возврата в экономике к деньгам трудящихся (в отличие от случаев явного, или революционного, возврата в виде появления частных криптовалют, денег-времени и денег LETS), состоящие в обратном развитии современных банковских денег, например, попытки возврата к банковским деньгам с полным резервированием в виде монет из драгметаллов. Так, в монографии отмечаются всплески интереса к золотому стандарту, например, стандарт, возникший в 2011 г. в ходе второй волны мирового кризиса (кризиса суверенных долгов в странах Запада) [10, с. 86]. Однако не приводятся реальные шаги по его возрождению. Например, развитие в США расчетов за товары золотыми инвестиционными монетами American Gold Eagle (то же и серебряными) по рыночной стоимости заключенного в них чистого металла и дебетовыми картами на эти монеты, хранящиеся в депозитариях, что связано с объявлением монет законным платежным средством, отменой налогов на увеличение рыночной стоимости капитала и с продаж на золото [3, с. 114–115].

Поскольку современная эксплуатация трудящихся посредством капиталистических денег и ее ликвидация посредством денег трудящихся в монографии не рассматриваются, естественно, в ней нет никакого соответствующего осуждения и одобрения.

Таким образом, классовый подход к настоящему денег в монографии В. В. Пшеничникова не представлен. Покажем, что его отсутствию соответствует представление о прошлом денег, развиваемое в ОИД. Ниже представлены ключевые в рассматриваемом отношении моменты истории денег, получившей отражение в рассматриваемой работе.

«Меновые отношения возникают... с момента миролюбивых сношений двух кланов, родов или племен между собой. Обмена внутри рода, семьи или клана не существовало: торговля начинается только с появлением чужого товара из чужой страны» [10, с. 25]. «Первичная и простейшая форма обмена это – «простая мена» «товара на товар». Мене «вещи на вещь», «товара на товар» свойствен свой смысл, свое чувство меры, не всегда понятные современному человеку» [10, с. 26].

«Простая (случайная) форма стоимости появилась в процессе зарождения обмена, когда стоимость одного товара приравнивалась к стоимости другого товара при единичных случаях обмена. Развернутая (полная) форма стоимости отличалась уже тем, что стоимость одного товара выражала стоимость целого ряда других товаров. Всеобщая форма стоимости предполагает наличие одного наиболее часто обмениваемого товара, который становится средством взаимного обмена всех остальных товаров друг на друга» [10, с. 29].

«Первыми деньгами были... все отчуждаемые элементы первобытного хозяйства: рабы, скот, орудия труда и оружие... Вторая группа... – предметы внешней торговли: соль, металлы, ткани, украшения. Среди последних вышел победителем более прочный, стойкий и красивый товар – металлы, а из них вскоре исключитель-

но благородные металлы» [10, с. 36]. «Металлические деньги представляют собой деньги, покупательная способность которых основана на ценности денежного металла, из которого они изготавливались – меди, золота, серебра. Несовершенство товарной формы денег заключалось в их слабой делимости и недостаточной транспортабельности... Металлические деньги в большей степени узнаваемы, долговечны и лучше транспортабельны по сравнению с другими видами товарных форм денег [10, с. 44].

«Переход от металлических слитков к монетам был связан с процессами распространения и совершенствования слитков с клеймом, удостоверявшим их вес и состав» [10, с. 50]. «Поскольку ценностное содержание металлов в первых монетах совпадало с отчеканенным на них номиналом, они назывались полноценными» [10, с. 51].

«Бумажные деньги всегда связывались с нуждами государственного бюджета и преследовали фискальные цели. Поначалу бумажные деньги, выпускаемые государством, разменивались на золото... Второй вид бумажных денег – кредитные деньги, возникшие на базе развития кредита. Различают две разновидности кредитных денег: 1) небанковские кредитные деньги – векселя небанковских организаций, возникающие на базе коммерческого кредита; 2) банковские кредитные деньги: а) банкноты, возникающие на базе банковского кредита (наличные деньги); б) депозиты до востребования (безналичные депозитные деньги)» [10, с. 52].

«По характеру обеспечения банковские билеты эволюционировали следующим образом: банкноты с полным покрытием (классические) → банкноты с частичным покрытием → банкноты без покрытия» [10, с. 53].

Таким образом, перед нами денежная история с последовательностью денежных форм, характерная для ОИД, и ее марксистская версия, признаком которой является вывод первых денег из межплеменного бартера и анализ форм выражения стоимости (см. выше). Заметим, что лучшим подтверждением общепризнанности ОИД

в марксистском варианте среди отечественных ученых из области денежного обращения и кредита является то, что эта книга легла в основу только что защищенной докторской диссертации по соответствующей специальности [11].

Под стать собственно истории денег представленное в монографии В. В. Пшеничникова будущее денег. Это будущее видится в форме безраздельного господства современных банковских денег, подвергающихся, однако, техническому усовершенствованию. Небанковские разновидности современных электронных денег в виде выделенных в монографии электронных денег типа Яндекс Деньги и частных криптовалют рассматриваются как бесперспективные. Так, приводятся данные о сокращении доли электронных денег на базе сетей при оплате онлайн-заказов товаров и услуг населением РФ в с 10,4% в 2015 г. до 8,0% в 2017 г. [10, с. 139] В. В. Пшеничников пишет:

«...Практика применения криптовалют в качестве средства платежа имеет место быть в рамках виртуальных сообществ и сетевых групп...» [10, с. 141].

Но при этом автор отмечает следующее:

«Процесс эмиссии криптовалют, ...не связанный с деятельностью монетарных властей, несет в себе сегодня слишком большую неопределенность в свете дальнейшей жизнеспособности современных механизмов денежно-кредитного регулирования» [10, с. 141].

И в итоге:

«Перспективы распространения криптовалют нам видятся... в национальном масштабе... Центральные банки целого ряда государств заинтересовались перспективами создания национальных криптовалют...» [10, с. 157].

Таким образом, отсутствию классового подхода к современным деньгам соответствует представление об истории и будущем денег, развиваемое в ОИД.

Далее покажем, что чем ярче авторы версий

денежной истории демонстрируют классовый подход к современным деньгам, тем активнее они пересматривают ОИД, тем в более далеком денежном прошлом отыскивают прообраз денег будущего.

Возможно, первым серьезным «подкопом» под ОИД среди экономистов стала версия неортодоксальной истории (и будущего) денег (НИД), представленная в работе «Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества» (1964) американского ученого Мюррея Ротбарда (охватывает историю денег по 1973 г.) и ее продолжении – работе Гвидо Хюльсмана «Евро: новая песня на старый лад» (прослеживает денежную историю до конца XX в.).

Покажем, что в версии НИД Ротбарда-Хюльсмана демонстрируется классовый подход к денежному настоящему. Так, история денег в данной версии развивается вокруг совершенствования путем соответствующего «улучшения» денег такого способа ограбления трудящихся государством посредством денег, как взимаемый им с трудящихся инфляционный налог:

«Инфляция – это мощный и неявный способ, с помощью которого государство присваивает средства населения, безболезненная и оттого еще более опасная форма налогообложения» [9, с. 69].

Плательщиками инфляционного налога являются не только трудящиеся, но и частные капиталисты:

«Учителя, пенсионеры, инвалиды, вообще люди, чьи доходы зависят от фиксированных выплат, ...рантье, держатели ценных бумаг, пенсионеры, те, кто сдает недвижимость в долгосрочную аренду, получатели страховки... Именно они заплатят „инфляционный налог“» [9, с. 70–71].

Приводятся и возможности ограбления трудящихся частным капиталом, возникающие вследствие инфляции:

«Во время инфляции, когда цены непрерывно

растут, людям очень легко поддаться соблазну и поверить в какую-нибудь схему быстрого обогащения из тех, что тысячами изобретаются разными проходимцами» [9, с. 72]. «Негативные последствия биржевого краха (возникающего в результате инфляции или попыток ее остановить. – примеч. авт.) для граждан огромны, потому что большинство страховых компаний вложили крупные суммы денег в акции предприятий» [9, с. 166].

Правда, механизмы соответствующего ограбления раскрываются недостаточно ясно. Отметим, что в целом они состоят в потере трудящимися в соответствующих случаях доходов или накоплений, необходимых для поддержания существования и оплаты долгов, вследствие чего трудящиеся вынуждены предлагать свой труд или его продукты по заниженным ценам или продавать, также по заниженным ценам, активы, приносящие доход, и единственную недвижимость, в связи с чем приходится платить за жилье.

Классовый поход к современным деньгам в истории денег Ротбарда-Хюльсмана, как уже ясно из отмеченного выше, не отличается последовательностью. И настоящее денег не освящается с точки зрения успехов в борьбе за выпуск собственных денег, достигнутых трудящимися. Более того, вообще не находят отражения факты, соответствующие подобным прямым и косвенным успехам, например, появление еще в начале 1980-х гг. денег трудящихся в виде денег-времени и денег LETS.

Тем не менее, даже ограниченному классовому подходу соответствует существенный пересмотр исторического ряда денег, представленного в ОИД. История денег, изложенная в работе М. Ротбарда, совпадает с ОИД по стадии денег-металлов включительно, так как хотя за ними и следует полноценная монета, но ее творцом считается не правительство, а банкиры:

«...Первые монеты были отчеканены частными лицами и частными ювелирами... Когда правительство впервые начало пытаться монополи-

зирать чеканку монет, королевские монеты опирались на гарантию частных банкиров, которым публика доверяла гораздо больше, чем правительству. В Калифорнии золотые монеты частной чеканки обращались до 1848 г.» [9, с. 37].

В отличие от того, что утверждает ОИД, до правительственных денег (монет) возникли и символические деньги банков (банкноты и депозиты) с полным резервированием. При этом появление всех денежных форм по правительственную монету включительно объясняется в рассматриваемой версии НИД на основе экономического принципа, примененного к предыдущей форме денег в общенациональных интересах (как это делал А. Смит – см. статью К. Н. Лебедева «Капиталистический классовый подход и история денег А. Смита»):

«Две главные проблемы, возникающие при бартере, – проблема неделимости и... несовпадения потребностей. Если Смит изготовил плуг, ...он... не может разломать плуг и отдать одну его часть фермеру, а другую – портному. Но даже в тех случаях, когда товары являются физически делимыми, ...у А есть овощи, а у Б – пара сапог. Как они могут прийти к соглашению, если А захочет получить не обувь, а одежду? ...Пробуя и ошибаясь, люди обнаружили способ, который позволил им осуществлять экономическую деятельность и даже расширить ее масштабы. Это – косвенный обмен. При косвенном обмене вы продаете ваш продукт не за те товары, в которых прямо нуждаетесь, а за некие другие товары. После этого вы отдаете эти другие товары в обмен на те, которые действительно нужны вам» [9, с. 22]. «Эти-то товары и называются деньгами. / Исторически в качестве средств обмена использовались различные товары: табак в Вирджинии, ...сахар в Вест-Индии, соль в Абиссинии, скот в Древней Греции, гвозди в Шотландии, медь в Древнем Египте, а также зерно, бусы, раковины каури и рыболовные крючки. Со временем роль денег стали выполнять два металла, вытеснившие другие товары в ходе многовековой конкуренции на свободном рынке, – золото и серебро... Они пользуются устойчивым спросом

в качестве материала для украшений и отличаются всеми другими необходимыми качествами» [9, с. 24]. «...Одни формы часто более удобны, чем другие. В течение веков для обслуживания мелких повседневных сделок золото и серебро использовалось в форме монет, а для крупных сделок – в виде больших брусков» [9, с. 32].

«Даже если золото используется в удобной форме, например, в монетах, часто его непосредственное использование в каждой сделке является неудобным. Например, при крупных покупках перевозка нескольких сот фунтов – дорогое и хлопотное дело. На помощь здесь приходит свободный рынок... Есть все основания полагать, что складской бизнес, специализирующийся на хранении золота (денежные склады), в условиях свободного рынка будет развит в той же мере, в какой развит обычный складской бизнес... В такой ситуации гораздо удобнее передавать от одного человека другому не физические массы денег, а складские расписки... По мере роста банков и повышения доверия к ним... клиенты предпочитают держать свои права в виде открытых бухгалтерских счетов... Клиент... совершает обмены, выписывая распоряжения своему складу переписать некую сумму со своего счета на имя другого человека...» [9, с. 53–56].

За банковскими символическими деньгами с полным резервированием в историческом денежном ряду, по М. Ротбарду, следуют правительственные монеты и бумажные деньги, банковские деньги с частичным резервированием, неразменные на золото и серебро банковские деньги, и подход к объяснению их появления меняется на классовый. Покажем, что появление всех денег из этого списка объясняется ученым на основе классового подхода.

Согласно М. Ротбарду, этот ряд денег стал результатом череды побед правительства над трудящимися и частным капиталом в битве за контроль над денежной системой:

«Введение монополии на изготовление монет и переход к законодательному регулированию вопроса о том, что люди обязаны использовать

в качестве узаконенного платежного средства – это решающие шаги, позволившие государству поставить под контроль денежную систему... Государство смогло получить полный контроль над денежной системой... только тогда, когда распространились заменители денег. Бумажные деньги и банковские депозиты – великое благо, если они полностью обеспечены золотом и серебром. Однако государство сумело использовать эти инструменты для того, чтобы захватить власть над денежной системой и в конечном счете над экономикой в целом» [9, с. 82–83]. «...Деньги – это кровь экономики... Если государство контролирует денежную систему, это значит, что у него в руках ключ к контролю над всей экономической системой, иначе говоря, до социализма рукой подать... Мы видели, как государство постепенно, шаг за шагом... получило наконец полный контроль над денежной системой» [9, с. 103–104].

Целью введения каждой из вышеуказанных денежных форм была очередная максимизация инфляционного налога посредством усиления контроля государства над инфляцией. Так, по М. Ротбарду, порча монеты и выпуск банкнот с частичным резервированием, даже приостановка свободного размена частных банкнот на звонкую монету, давали государству просто инфляцию:

«...Государству нужна не просто инфляция, ему нужна собственная, полностью подконтрольная инфляция, а не такая, которой будут управлять банки. Чтобы отстранить банки от управления инфляцией, государство придумало изумительный... институт... – центральный банк» [9, с. 86].

Однако полный контроль над инфляцией государство получило только после отмены золотого стандарта:

«...Государство официально заявило об отказе от золота и переходе на необеспеченные бумажные деньги, чаще всего на расписки центрального банка. Иногда такими... деньгами становились казначейские расписки... Какой именно государственный институт выпускает необеспеченные

бумажные деньги, значения не имеет. Важно то, что после отказа от золотого стандарта денежный стандарт зависит исключительно от государства» [9, с. 96].

Заметим, что классовый подход побуждает М. Ротбарда выделять в истории денег те события, на которых не заостряет внимание ОИД, а именно появление центробанков, ставшее вехой в формировании подконтрольной правительству инфляции.

В отличие от того, что утверждает ОИД (см. вышеуказанную статью К. Н. Лебедева), по М. Ротбарду, инфляция была не случайно открытым правительством способом наживы на выпуске денег, а изначальной целью захвата выпуска денег под свой контроль. «Случайной», наоборот, была чеканка первой правительственной монеты полновесной, что было необходимо для облегчения монополизации чекана, нужной для перехода к порче монеты.

«Государство не может просто ворваться на свободный рынок и начать печатать собственные бумажные квитки. Если оно так поступит, государственными деньгами никто не будет пользоваться... Поэтому государство вынуждено действовать хитро и постепенно... Что оно могло сделать, когда в обращении было только золото и серебро? / Любое государство начинало с установления (абсолютной) монополии на изготовление монет... Установив монополию на изготовление денег, государство вводит особое название для своей денежной единицы. При этом оно прилагает специальные усилия для того, чтобы имя монеты перестало ассоциироваться с ее весом... Это создало возможность для появления доступной исключительно государству разновидности мошенничества: порчи денег» [9, с. 76].

В работе Гвидо Хюльсмана «Евро: новая песня на старый лад», описывается еще одна стадия (подготовка к ней) усиления контроля государства над выпуском денег и, соответственно, над инфляцией и соответствующим перераспределительным механизмом, которую М. Ротбард

лишь предсказывал, а именно введение международных бумажных (банковских) денег:

«Любая мировая денежная система, основанная на бумажных деньгах, – это всего лишь продолжение перераспределительной политики государства на другом уровне» [9, с. 133].

Таким образом, последовательность денежных форм в рассмотренной версии НИД такова: деньги-товары, деньги-металлы, банковские полноценные монеты, банковские символические деньги (банкноты и депозиты) с полным резервированием, правительственные монеты, вначале полноценные, затем испорченные, бумажные деньги правительств, банковские деньги с частичным резервированием, неразменные на золото банковские деньги. Как показывает рассматриваемая версия НИД, классовому подходу к денежному настоящему соответствует не только пересмотр собственно исторического ряда денег ОИД, но и иное, чем в ОИД, видение будущего денег (что вполне резонно, когда современные банковские деньги подвергаются критике), прообраз которого отыскивается в денежной истории. Будущее денег, по М. Ротбарду, состоит в возврате к банковским символическим деньгам с полным обеспечением, которым выступают банковские же полноценные монеты из драгметаллов:

«Золотые монеты производятся конкурирующими частными фирмами, они обращаются, обмениваясь по весу» [9, с. 51].

Заметим, что будущее кредита видится М. Ротбардом в виде кредитов, выдаваемых за счет сберегательных депозитов:

«Средства, даваемые займы, суть сбереженные средства, т.е. часть существующего предложения денег, просто передаваемая от сберегателя к заемщику» [9, с. 61].

Предвещая неминуемый кризис экономики, «основанной на принудительно навязанных государственных деньгах», также и Г. Хьюльсман видит лишь одно спасение:

«...Мир должен вернуться к свободному рынку

денег (иначе говоря – к золоту – естественно выбранному рынком денежному товару), а государство должно отказаться от контроля над денежным обращением» [9, с. 173].

Важно отметить, что, с точки зрения ОИД, банковские бумажные деньги с полным резервированием относятся к ближайшему прошлому денег, которые имеют отношение к прошлому тех же банковских денег.

Другой важный вывод из рассмотренной истории (и будущего) денег: непоследовательность классового подхода к настоящему денег выливается в то, что авторы исторических исследований выступают за сохранение денежной власти в руках капиталистов, а также за передачу (сохранение) возможности первоочередного обогащения на деньгах тем или иным их подклассам. В случае истории Ротбарда-Хьюльсмана – это банковские капиталисты, капиталисты, связанные с серебро- и золотодобычей, и, очевидно, часть класса госчиновников, регулирующая соответствующее природопользование.

Современная версия НИД, разработанная экономистами, представлена в работе английского экономиста Феликса Мартина «Неофициальная биография денег» (2015). Покажем, что в ней применяется классовый подход к настоящему денег. Прежде всего, Ф. Мартин раскрывает грабительскую сущность современных банковских денег. В центре его внимания – новый способ ограбления трудящихся банковскими капиталистами (главными владельцами и кредиторами банков и их топ-менеджментом), вскрытый кризисом 2007–2009 гг., которым является обеспечение доходов этого класса в период финансового кризиса за счет средств налогоплательщиков (в лице правительства):

«Во всем мире банки росли в размерах, сокращая свой капитальный «буфер», выдавая все более рискованные кредиты и уменьшая ликвидность своих активов. Все больше банков становились слишком крупными, чтобы можно было допустить их банкротство. В результате резко взлетел вверх уровень страхования кредитов,

которые по умолчанию обеспечивает суверен. И только когда разразился кризис, а усилия властей по управлению рисками провалились, выявился истинный масштаб государственных субсидий. В ноябре 2009 года, год спустя после краха Lehman Brothers, полная суверенная поддержка банковского сектора во всем мире оценивалась приблизительно в 14 триллионов долларов, то есть составляла более 25 процентов глобального ВВП. Тогда налогоплательщики и узнали, каков был масштаб взваленного на них груза страхования рисков и убытков, в то время как акционеры, долговые инвесторы и сотрудники банков получали прибыль» [12].

Ф. Мартин, желая подчеркнуть, что речь идет именно об ограблении капиталистами трудящихся, приравнивает данную ситуацию к ограблению богатых бедными:

«В обществе увеличилось неравенство в уровне доходов и благосостояния отдельных социальных слоев, что привело к его расслоению на узкий круг богачей, владеющих облигациями банков, и гораздо менее зажиточное большинство, не имеющее никаких облигаций. Расходование общественных фондов для защиты держателей банковских облигаций обернулось проблемой «богатые против бедных» [12].

Раскрывается и ставший традиционным в последние десятилетия способ ограбления трудящихся с помощью современных банковских денег – посредством обусловленных ими кризисов на фондовом рынке и рынке недвижимости. Его активное применение Ф. Мартин связывает с ошибочной политикой центробанков по сдерживанию инфляции, выступающей современной формой политики фиксированного денежного стандарта (см. ниже):

«Тревожные предвестники надвигающейся беды в предкризисной экономике – стремительный рост цен на недвижимость... Ключевыми факторами нестабильности являются циклы цен на кредиты и активы... Чем успешнее центробанки добиваются снижения одного из видов рисков, обеспечивая низкий и стабильный уровень ин-

фляции, тем увереннее чувствуют себя инвесторы, готовые идти на другие риски и инвестировать в не слишком надежные и неликвидные ценные бумаги» [12].

Однако Ф. Мартин не раскрывает механизма этого традиционного способа перераспределения дохода от трудящихся к капиталистам, который в принципе был рассмотрен нами выше. В данном случае, кризисы на фондовом рынке и рынке недвижимости, в сочетании с безработицей и потерей накоплений, приводят к тому, что трудящиеся, для того чтобы расплатиться по долгам или даже просто существовать, не имея в запасе денег, продают свои активы да еще и по сниженным ценам представителям капиталистического класса, в результате чего теряют доходы, приносимые соответствующими активами, которые теперь получают их новые владельцы, и отдают часть своих доходов владельцам жилья, будучи вынужденными его арендовать, продав единственное жилье. Рост же цен на активы вызван тем, что банки склонны выдавать кредиты на покупку недвижимости и ценных бумаг (см. статью Ю. И. Будович «Классовый подход к настоящему денег и будущее денег»).

В работе получают отражение современные локальные валюты, учреждаемые как отдельными небанковскими капиталистами, так и сообществами товаропроизводителей (деньги трудящихся), как для противодействия последствиям кризисов, так и на постоянной основе, причем Ф. Мартин подчеркивает особый успех денег трудящихся:

«...Попытки уклониться от использования национальной валюты имеют место не только в кризисные времена. Сегодня на Западе в обращении находится множество частных денег... Обычно их источником выступают структуры, именуемые торговыми системами местного обмена или сетями взаимного кредитования...» [12].

В качестве примеров денег трудящихся приводятся брикстонский фунт, «итакский час», деньги швейцарской товарообменной системы WIR, деньги групп лиц, желающих поочередно сидеть

с детьми друг друга [12]. Однако Ф. Мартин не показывает, как введение разных видов локальных валют обеспечивает обогащение или прекращение обогащения одних классов за счет других классов, прежде всего трудящихся, не рассматривает их появление как достигнутые трудящимися прямые и косвенные успехи в их длительной борьбе за свои деньги.

Вместе с тем, Ф. Мартин оправдывает введение локальных валют, осуждает борьбу с ними правительств и банковской системы, в том числе в случае, когда они приобретают общенациональный характер, показывает, что деньги, созданные товаропроизводителями, в том числе деньги трудящихся, могут носить общенациональный характер и быть при этом более эффективными, чем банковские деньги, одобряет использование локальных валют как средства противодействия антинародной политике правительства:

«Подобные частные деньги не представляют никакой угрозы деньгам официальным...» [12]. Однако, «если бы торговые системы местного обмена вышли за пределы локальной ниши, правительство гарантированно объявило бы их вне закона как представляющие угрозу конституционной власти... От денежного бунта до политического и вовсе рукой подать» [12]. «Размер подобных систем может быть каким угодно. Одна из крупнейших – WIR, созданная объединением небольших фирм в Швейцарии и насчитывающая сегодня свыше 60 тысяч членов» [12].

Ф. Мартин отмечает, что в ходе использования в Ирландии в 1970 г. вместо денег банковской системы, закрывшейся на полугодовую забастовку, чеков из чековых книжек, экономика не только функционировала нормально, но и показала рост:

«...Выяснилось, что «ирландская экономика продолжала функционировать на протяжении всего длительного периода, пока не работали клиринговые банки», но, что самое интересное, «уровень экономической активности в этот самый период устойчиво рос»... В одной из тридцати богатейших стран мира «высоко персонализи-

рованная кредитная система, не подразумевающая никаких конкретных сроков погашения займов и кредитов, заменяла собой существовавшую банковскую систему» [12]. «Здесь (в Аргентине в 2002 г. – примеч. авт.) возникновение альтернативных денег явилось... реакцией на драконовские меры в валютной политике. Большинство людей считало, что правительство работает не на благо народа, а в пользу кровососов-узурпаторов и зарубежных капиталистов... Местные политики, фирмы и сообщества, боровшиеся с властью путем создания собственной валюты, выступали в роли финансового аналога французских маки – партизан Сопротивления, которые во время Второй мировой войны сражались против марионеточного режима Виши» [12].

Таким образом, классовый подход к современным деньгам в работе Ф. Мартина представлен полнее, чем в истории денег Ротбарда-Хюльсмана. Неслучайно в книге Ф. Мартина история денег, представленная в ОИД, пересматривается значительно более радикально.

Прежде всего, если в ОИД история локальных денег (к которым можно отнести товарные деньги и деньги-металлы) заканчивается перед правительственными монетами, то история денег в книге Ф. Мартина – история вначале локальных денег, а затем – сосуществования и взаимодействия локальных и национальных денег. На основе картины первых локальных денег Ф. Мартин выводит их универсальную трактовку:

«...Жители островов Яп накапливали кредиты и долги, торгуя между собой рыбой, кокосами, свиньями и морскими огурцами. Затем кредиты использовались для погашения долгов. Если по завершении сделки кто-то оставался кому-то должен, этот долг мог быть по обоюдному желанию сторон списан в обмен на денежную единицу, то есть *раи*. Каменные деньги служили вещественным доказательством того, что у того или иного человека относительно всего прочего населения имеется определенный положительный платежный баланс, с. Иначе говоря, монеты и купюры – это не более чем жетоны, служащие для наглядного отображения состо-

нения кредита по отношению к окружающим... Деньги — это система кредитных счетов и погашения задолженностей, в которой наличность играет роль наглядной иллюстрации состояния индивидуального счета того или иного члена общества» [12].

Деньги, таким образом, были изначально встроены в товарообмен и, следовательно, возникли вместе с товарообменом, а не из неудобств бартера. Эти первые деньги иногда представленные наличностью (типа каменных денег островов Яп), были локальными деньгами. Важно отметить, что Ф. Мартин признает, что исходными деньгами экономики были деньги трудящихся, так как под вышеуказанное определение денег в первую очередь подходят деньги LETS.

Затем появились общенациональные деньги в виде правительственных монет. Их появление Ф. Мартин объясняет на основе экономического принципа, примененного к деньгам в общенациональных интересах. Они возникли в порядке преодоления неудобств локальных денег, прежде всего наличных, как средств общенационального обмена, и это средство обмена могло быть введено только центральным правителем.

«С изобретением чеканки монет вести учет и передавать... обязательства стало невероятно просто... Именно в греческих городах-государствах родилось понимание того, что монеты — это идеальное средство воплощения концепции экономической ценности. Здесь чеканка монеты началась в конце VI века до н.э.» [12]. «...В серьезных масштабах деньги никогда не могут выступать ликвидным кредитом, накопленным под гарантию общества. Альтернатива очевидна — и была очевидна в момент рождения денег: гарантом должно выступать не общество, а нечто более конкретное: власть. С какой стороны ни посмотреть, а глава государства имеет определенные преимущества как лицо, наделенное правом печатать деньги» [12].

Правительственные монеты также возникли в порядке облегчения древних товарообменных практик, очевидно, обслуживавшихся деньгами

LETS. К ним относятся, прежде всего:

«...Дележ (военной. — примеч. авт.) добычи, обмен подарками и раздача жертвенного мяса — вовсе не уникальная черта Греции Темных веков. Скорее наоборот — современное развитие антропологии и исторической компаративистики показывает, что подобные практики являлись нормой для небольших племенных сообществ» [12].

Их заменила раздача монет с соответствующими целями. Изменились и другие формы товарообмена:

«В Афинах издольщики стали работающими по контракту арендаторами, выплачивающими ренту деньгами, а не продукцией, как было заведено раньше. Еще один пример — литургии. Литургиями называли унаследованные с древних времен обязанности тысячи самых зажиточных граждан оказывать обществу те или иные услуги — от предоставления певцов для театрального хора до строительства кораблей для флота. В новых условиях эти обязательства приобрели вид финансового участия богатых граждан в жизни города. К последней четверти V века до н. э. не только жалованье воинов, заработная плата, стоимость аренды и цены на товары, но даже такие затраты, как свадебное приданое, стало принято описывать в денежном выражении» [12].

В отличие от того, что утверждает ОИД, первые монеты были символическими деньгами:

«Денежный стандарт всегда был гибким — собственно, именно поэтому и велась затяжная война между правителями и денежным классом. Стоимость монеты зависит не от материала, из которого она изготовлена, а от кредитоспособности и авторитета правителя, определяющего ее номинал... «Деньги получают свою стоимость по воле правительства, которое вводит их в оборот и определяет цену каждого куса металла», — объяснял современник Локка финансист Николас Барбон» [12].

Символический характер первых монет, однако, не исключал их последующей прибыльной для правителей «порчи».

Общенациональным интересом при введении правительственной монеты, по Ф. Мартину, выступает и сам гибкий денежный стандарт, позволяющий обесценивать долги в тех же общенациональных интересах. И вся последующая история денег у Ф. Мартина также представляется как борьба гибкого денежного стандарта и фиксированного в лице правительства и частного капитала соответственно, в которой первый вначале проигрывает, а затем начинает выигрывать.

Следующими за монетами, по Ф. Мартину, стали банковские деньги, и они, в отличие от ОИД, трактуются Ф. Мартином как изначально деньги с частичным резервированием, так как банкноты возникли не из вкладной операции банков, а из векселей торговых домов, выдававшихся в обмен на долговые расписки купцов в целях обслуживания международной торговли:

«...Оплата за международный импорт производилась не монетами, а кредитами – при помощи векселей, которые продавали клиентам европейские торговые дома. Клиенты могли затем использовать эти векселя, чтобы расплатиться со своими поставщиками. К 1555 году главной функцией Лионской ярмарки стало как раз погашение долгов и расчет по кредитам между европейскими торговыми домами... Если крупный торговый дом ручается за местного купца, то его долговая расписка, до этого признававшаяся в качестве оплаты только в пределах местной экономики, превращается в инструмент оплаты, принимаемый везде, где признаётся авторитет торгового дома... Именно сюда, в создание частной системы оплаты, и уходит корнями современная банковская система... Так создавалась децентрализованная система взаимных расчетов – точно такая же, какой являлись отчеканенные правителем монеты» [12].

И историю денег, начиная с первых банковских денег, Ф. Мартин анонсирует как историю классовой борьбы за выпуск денег:

«...Пришло время взглянуть на вечную битву за контроль над деньгами» [12].

Появление банковских денег трактуется Ф. Мар-

тином как реакция «денежного класса», то есть лиц, хранящих богатство в деньгах и использующих для взаимных расчетов именно деньги [12] (фактически – новых капиталистов в лице банкиров и крупных торговцев, в частности владельцев торговых домов), на правительственную порчу монеты:

«...Чем больше народу расплачивалось деньгами, тем шире становилась налоговая база для сбора сеньоража. Но... у этого волшебного источника доходов имелись свои ограничения – ...политические. Рано или поздно представители нового «денежного класса» должны были восстать против злоупотреблений... владык. Так в середине XIV века и произошло» [12].

Следует отметить, что объяснение появления банковских денег порчей монеты правителями и стремлением избавиться от ограбления инфляционным налогом является абсолютно неполным. Достаточно сказать, что такую «классовую» причину замены очередных денег, как злоупотребления ими, допускает и ОИД, рассматривая их в качестве одного из неудобств данной формы денег. Так, одной из причин чеканки монеты А. Смит считает широко распространенное злоупотребление деньгами-металлами, состоящее в подделке слитков (см. статью К. Н. Лебедева «Классовый подход в экономическом исследовании и классовый подход к истории денег»). Главным классовым интересом введения банковских денег, который Ф. Мартин не выделяет, был отъем некоторыми представителями частного капитала у правительства монополии на выпуск денег с тем, чтобы самим наживаться на предоставлении платных разрешений на получение товаров от общества и на выдаче кредитов.

Хотя и непоследовательный, но все же классовый подход к истории денег побуждает Ф. Мартина, в отличие от ОИД, выделять события в истории денег, в данном случае банковских, которые для ОИД являются несущественными, а именно такие события, расширяющие возможности рассмотренных выше способов наживы банкиров, как появление центробанков. С ним связано придание банковским деньгам статуса

законного платежного средства и превращение банковской системы в официального кредитора правителей, введение фиксированного денежного стандарта, позволяющее избавиться от инфляции, затрудняющей развитие кредитно-депозитных операций. Ф. Мартин, правда, с разной степенью связывания с классовым интересом банкиров, но освещает вышеуказанные события, характеризуя переход к серебряному/золотому стандарту, стартовавший в Великобритании в результате создания (в 1694 г.) и функционирования Банка Англии, когда впервые был установлен фиксированный денежный стандарт в весе серебра, впоследствии замененный золотым стандартом. При этом Ф. Мартин скрывает и активную роль банкиров в подготовке этих событий, выдавая их за результаты равноправного соглашения банкиров с правительством (появление центробанка с вышеуказанными функциями, введение фиксированного стандарта), либо даже за ошибку ученых-экономистов, из-за которой в экономике стали копиться долги (введение фиксированного стандарта):

«...На банк в первую очередь возлагалась задача восстановления пошатнувшегося кредитного и финансового положения короны... Идею гибридного Банка Англии поддержала группа... вигов, которые в будущем займут главные посты в первой из политических партий страны. Они поняли, что реализация проекта Патерсона способна привести к заключению Великого денежного соглашения. Если они (и денежный класс, чьи интересы они защищали) согласятся финансировать короля – на условиях, которые они как директора нового Банка Англии определяют сами, – то король в рамках договоренностей откроет им доступ к тому, что раньше было прерогативой монарха, – праву на выпуск денег и управлению их стандартом... Подобный договор открывал перед банками новые радужные перспективы. Банки обеспечивали бы правителя кредитами, но все их ссуды стократно окупались бы правом выпуска частных денег, пользующихся поддержкой короны... Единственным способом гарантировать, что Великое денежное соглашение не навредит конституционному правительству,

было создание фиксированного денежного стандарта, изменить который не мог никто: ни король, ни банкиры, ни кто бы то ни было еще» [12]. «Общепринятый взгляд на деньги теперь стал прост: фунт стерлингов был определенным весом золота, не больше и не меньше... Основатели Банка Англии... получили от экономистов теоретическое подтверждение своей правоты. Отец политического либерализма (А. Смит. – примеч. авт.) заявил, что, пока общество разделяет правильное понимание денег и не отстает от естественного неизменного стандарта экономической ценности, конституционному строю ничто не угрожает... Впрочем, оставалась еще одна небольшая проблема... Этой проблемой были долги – точнее, свойство долгов накапливаться до запредельного уровня» [12].

Ф. Мартин, однако, не отмечает еще одно важное событие из той же серии, предшествовавшее вышеуказанным, и участие в нем банкиров, а именно утяжеление правительственной монеты, делающее ее неудобной для использования в платежах [1, с. 189–190].

Следующей за банковскими деньгами с частичным резервированием исторической формой денег, по Ф. Мартину, стали бумажные деньги правительств, которые ввел в употребление Джон Ло:

«К Рождеству 1718 года Джон Ло познакомил Францию, да и весь остальной мир с бумажными деньгами» [12].

Они же были и первой попыткой возврата к гибкому денежному стандарту.

«Объем напечатанных денег больше не должен был зависеть от имеющихся у банка запасов золота или серебра... Объем денежной эмиссии теперь зависел только от решения Королевского совета... Отныне денежный стандарт Франции определялся исключительно решением короля и более ничем. Если население поверит в разумность политики Королевского совета, который не станет злоупотреблять денежной эмиссией, то все пойдет хорошо – по мнению Ло, даже лучше, чем в условиях золотого стандарта, ограни-

чивающего предпринимательскую свободу» [12].

Вторая попытка возврата к гибкому стандарту, по Ф. Мартину, была ознаменована крахом Бреттон-Вудской валютной системы:

«„Система Ло“... на несколько веков опередила экономическую мысль. Через две с половиной сотни лет, в 1973 году, когда международный золотой стандарт обмена наконец рухнул, мир признал именно фиатные денежные стандарты» [12].

Однако окончательный отказ от золотого стандарта не стал отказом от фиксированного денежного стандарта. По мнению Ф. Мартина, ориентация современных центробанков на борьбу с инфляцией фактически является продолжением политики фиксированного стандарта, вызывающей все большее накопление долгов, оборачивающееся усиливающимися финансовыми кризисами:

«Как прямо признал в 2012 году председатель Управления финансового регулирования и надзора Великобритании, центральные банки руководствовались «ошибочной теорией экономической стабильности, согласно которой обеспечения низкой и стабильной текущей инфляции достаточно, чтобы гарантировать экономическую и финансовую стабильность...» [12].

Последствия этой политики были уже рассмотрены выше.

Таким образом, историческая последовательность денежных форм, по Ф. Мартину, следующая: локальные деньги трудящихся, монеты правительств (изначально символические, затем – полновесные), банковские деньги с частичным резервированием, бумажные деньги правительств, банковские деньги, неразменные на драгметаллы. Видно, что исторический ряд денег, представленный в ОИД, в истории денег Ф. Мартина пересмотрен значительно существеннее, чем в версии Ротбарда-Хьюльсмана. Соответственно, и будущее денег Ф. Мартин отыскивает в их более далеком прошлом (с точки зрения ОИД), чем М. Ротбард и Г. Хьюльсман,

а именно в правительственных деньгах.

По Ф. Мартину, сократить влияние долгов на экономику можно путем возврата к древней политике гибкого денежного стандарта (позволяющей обесценивать долги путем инфляции) или прямой реструктуризации долгов.

«Монетарному обществу... время от времени требуется «настройка» – достаточно радикальная, наподобие объявляемого дважды в столетие «юбилея» (списания долгов) или одностороннего дефолта, либо более мягкая, например постепенное обесценивание денежного стандарта» [12].

Но адекватную политику гибкого денежного стандарта в соответствующих целях способно проводить лишь демократическое государство:

«Государство должно принимать необходимые меры, чтобы гарантировать такую структуру финансовых обязательств, которая соответствует тому, что общество считает справедливым. Только политическая деятельность – в демократическом обществе, подверженном постоянным изменениям, – способна обеспечить создание подобного эволюционирующего стандарта» [12].

Таким образом, Ф. Мартин требует вернуть правительству отнятую у него функцию управления ценностью денег. А чтобы правительство могло управлять ценностью денег, ему должно быть возвращено право денежной эмиссии. В связи с этим Ф. Мартин предлагает провести реформу банковской системы, предложенную в 1930-е гг. американским экономистом Ирвингом Фишером в книге «100% деньги»:

«Любой депозит, утверждает Фишер, подлежащий снятию или использованию для платежей, должен быть подстрахован суверенными деньгами; банкам, открывающим подобные депозиты, не разрешается заниматься иными видами бизнеса... Что же касается остальных видов деятельности банков – непосредственной работы с клиентами, оптовой или розничной торговли, – то они будут рассматриваться как все прочие операции на рынке капитала, а учреждения, которые ими занимаются, не будут пользоваться

особой поддержкой суверена и не станут объектом его особого надзора» [12].

Суть данной реформы и ее механизм в книге Ф. Мартина раскрыты недостаточно, в связи с чем уточним это на основе первоисточника.

Правительство США в лице специально созданной Валютной комиссии выпускает новые деньги – банкноты Соединенных штатов, на которые выкупает у коммерческих банков и у Федеральной резервной системы активы (ценные бумаги США, коммерческие кредиты и пр.) на такую сумму, чтобы резерв их наличности составил 100% от суммы текущих депозитов, и затем этот стопроцентный резерв поддерживается постоянно [13, с. 9], [10, с. 63, 65]. Далее:

«Их общая сумма (денег нации. – примеч. авт.) будет контролироваться их единственным эмитентом – Валютной комиссией (которой также могли бы быть предоставлены полномочия по борьбе с накоплением и скоростью, при желании)» [13, с. 14]. «После перехода... Валютная комиссия могла бы увеличить количество денег, покупая облигации, и могла уменьшить его, продавая, будучи ограниченной в каждом случае обязательством поддерживать установленный уровень цен или стоимость доллара с разумной точностью» [13, с. 15]. «...Банки могли бы получить деньги для кредитования: ... (1) из своих собственных денег (своего капитала); (2) из денег, полученных от клиентов и размещенных на сберегательных счетах; ...и (3) из денег, возвращенных по кредитам со сроком погашения» [13, с. 17].

Итоги реформы:

«Практически больше не было бы набегов на коммерческие банки; потому что 100% денег вкладчиков всегда находились бы в банке (или были доступны), ожидая их распоряжений... Банкротств банков было бы гораздо меньше; потому что важными кредиторами коммерческого банка, которые с наибольшей вероятностью обанкротят его, являются его вкладчики, и эти вкладчики были бы обеспечены на 100%... Государственный долг, по которому начисляются

проценты, был бы существенно сокращен; потому что значительная часть государственных облигаций, находящихся в обращении, была бы передана банками Комиссии (представляющей правительство) [9, с. 17]. «Все наши средства обращения, сто процентов из них, были бы настоящими деньгами... Большая часть «таинственности» банковского дела исчезла бы, как только банку больше не разрешалось бы выдавать займы деньги, внесенные его клиентами...» [13, с. 12]. «...Будет проведено четкое различие между текущими и сберегательными вкладами. Деньги, положенные на расчетный счет, будут принадлежать вкладчику... Деньги, положенные на сберегательный счет, имели бы тот же статус, что и сейча, с. Они однозначно принадлежал бы банку. В обмен на эти деньги банк предоставил бы право на возмещение с процентами...» [13, с. 12–13]. «Большие инфляции и дефляции были бы устранены; потому что банки были бы лишены своей нынешней власти практически чеканить деньги по чековым книжкам и уничтожать их; то есть выдача займов не привела бы к раздуванию наших средств обращения, а отзыв кредитов не привел бы к их сдутию» [13, с. 13].

Общий дух реформы:

«Если наши банкиры хотят сохранить за собой строго банковскую функцию – выдачу кредитов, – которую они могут выполнять лучше, чем правительство, они должны быть готовы вернуть строго денежную функцию, которую они не могут выполнять так же хорошо, как правительство [13, с. 20].

И. Фишер приводит альтернативный вариант реформы, разработанный профессором Анджели:

«...Вместо того, чтобы требовать продажи конкретных активов в обмен на дополнительную валюту, необходимую для создания этих 100-процентных резервов, ... коммерческие и федеральные Резервные банки предоставляют правительству Соединенных Штатов общий предварительный залог на их совокупные активы, равный стоимости полученной новой валюты. Этот залог не будет приносить процентов и будет погашать-

ся повторно или иным образом только медленно, если вообще будет. Текущие обязательства банков по снятию средств и депозитам станут обязательствами самого правительства Соединенных Штатов, ...будут управляться банками как агентами правительства и, по сути, будут складскими расписками на валюту» [13, с. 239].

Заметим, что фактически этот (проф. Анджели) вариант возврата к правительственным деньгам предлагается Э. Джексоном и Б. Дайсоном в книге «Модернизация денег...» (2012) (см. статью Ю. И. Будович «Классовый подход к настоящему денег и будущее денег»).

Версия НИД Ф. Мартина также подтверждает сделанный ранее вывод о том, к чему ведет непоследовательность классового подхода к настоящему денег. Ф. Мартин в итоге отказывается от поддержки идеи создания на базе денег трудящихся общенациональных денег и выступает за сохранение денежной власти в руках капиталистов, а также за сохранение привилегии первоочередного обогащения посредством денег за банкирами, которые, однако, должны поделиться этой возможностью с правительственными чиновниками, отвечающими за величину денежной массы.

Библиографический список

1. Будович Ю. И., Будович М. С. История денег на службе у банковского капитала // Экономические науки. – 2023. – 11 (228). – С. 179–193. – DOI: [10.14451/1.228.179](https://doi.org/10.14451/1.228.179).
2. Будович Ю. И., Будович М. С. История денег: ложность метода. Часть 2 // Экономические науки. – 2023. – 11 (228). – С. 166–178. – DOI: [10.14451/1.228.166](https://doi.org/10.14451/1.228.166).
3. Будович Ю. И., Лебедев К. Н. Место финансов в современной экономике (Экономика без финансов). – 2020.
4. Дубянский А. Н. Теория денег в марксизме в трактовке Н. И. Зиберы // Финансы и бизнес. – 2018. – № 1. – С. 132–142.
5. Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. – 2018. – № 1. – С. 7–25.
6. Кооператоров О. Д. – URL: <http://odcoop.online/2022/11/04/технология-1-e-t-s/> (дата обр. 27.10.2023).
7. Лебедев К. Н. История денег: ложный метод. Часть 1 // Экономические науки. – 2023. – 11 (228). – С. 153–165. – DOI: [10.14451/1.228.153](https://doi.org/10.14451/1.228.153).
8. Лебедев К. Н. Общественно-экономические идеалы социалистов и коммунистов в части платежно-кредитной системы и их достижимость // Экономические науки. – 2021. – 3 (196). – С. 17–27. – DOI: [10.14451/1.196.17](https://doi.org/10.14451/1.196.17).
9. М. Р. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества : пер. с англ. – Челябинск : Социум, 2004. – 176 с.
10. Пшеничников В. В. Эволюция форм и видов денег: от раковин каури до криптовалют : монография. – Воронеж : ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2019. – 175 с.
11. Пшеничников В. В. Эволюция форм и видов денег от натурального обмена до цифровых транзакций : дис. ... д-ра экономических наук : 5.2.4 / Пшеничников Владислав Владимирович. – СПб., 2023. – 37 с.
12. Ф. М. Money. Неофициальная биография денег / LibCat.ru. – URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/prochaya-dokumentalnaya-literatura/41764-5-feliks-martin-money-neoficialnaya-biografiyadeneg.html> (дата обр. 30.09.2023).
13. / F. 100% money. – New York : Adelphi Company, 1936. – 257 p.